

**ABOUT NATIONAL AND CULTURAL
MOTIVATION OF LINGUISTIC SIGNS
AS A MANIFESTATION OF ETHNIC
IDENTITY OF LANGUAGES**

V.S. Lee, Doctor of Philology, Full Professor
Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan

The author considers some issues of modern science of motivation related to the language-based conceptualisation of reality. The motivation of language and motivation of a language sign are predetermined by the special world view inherent in a certain ethnos. Identity of any people, their culture and mentality in many respects are explained by this circumstance. The idioethnic peculiarities of nomination of realities in a certain language are determined using the materials of phonosemantics, sound symbolism and onomatopoeia. The anthropocentric principle used in the paper allows to define the linguistic human nature, and to understand the spirit of the people speaking a certain language.

Keywords: science of motivation, anthropocentrism principle, language sign, language world view, phonosemantics, sound symbolism, onomatopoeia.

Conference participant,
National championship in scientific analytics,
Open European and Asian research analytics championship

**О НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ
МОТИВИРОВАННОСТИ ЯЗЫКОВОГО
ЗНАКА КАК ПРОЯВЛЕНИИ
ЭТНИЧЕСКОЙ САМОБЫТНОСТИ
ЯЗЫКОВ**

Ли В.С., д-р филол. наук, проф.
Казахский национальный университет им. аль-Фараби,
Казахстан

В статье рассматриваются некоторые вопросы современной мотивологии, связанные с языковой концептуализацией действительности. Мотивированность языка, мотивировка языкового знака обусловлены особым взглядом на мир, присущим определенному этносу. Этим обстоятельством во многом объясняется самобытность любого народа, его культуры и ментальности. На материале фоносемантики, звукоимеизма и звукоподражания устанавливаются идиоэтнические особенности номинации реалий в том или ином языке. Используемый в статье антропоцентрический принцип позволяет определить лингвистическую природу человека, и понять дух народа, которому принадлежит определенный язык.

Ключевые слова: мотивология, принцип антропоцентризма, языковой знак, языковая картина мира, фоносемантика, звукоимеизм, звукоподражательные слова.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i11.1488>

Знаменитая формула Вильгельма фон Гумбольдта «Язык народа есть дух народа, а дух народа есть его язык» позволяет многое понять и объяснить в природе дихотомии «язык и этнос», «язык и человек». Общеизвестно, многие лингвистические школы в истории науки в своих общетеоретических и методологических положениях исходили из идей В. фон Гумбольдта. И принцип антропоцентризма и сама антропоцентрическая парадигма, ставшие господствующими в современной лингвистике, исходят из учения В. фон Гумбольдта о природе языка. Несомненно также, что современные концепции о языковой концептуализации действительности, о языковой картине мира восходят к В. фон Гумбольдту, к его идеям. К идее В. фон Гумбольдта о внутренней форме языка как отражении самобытности этнической культуры восходит и современное лингвистическое учение, именуемое мотивологией (см. [1]). Как известно, в этом направлении исследование языка сводится в итоге к установлению так называемой внутренней формы слова, семантической мотивировки лексической номинации. Однако мотивированность, мотивировка языкового знака может

быть прослежена на всех уровнях языка, прежде всего на фонетическом, поскольку в звуковом строе наиболее наглядно, «осозаемо» проявляется национально-культурная самобытность определенного народа.

Несмотря на общие, универсальные черты, обусловленные концептуальной картиной мира, язык человека как реальность по природе своей идиоэтничен, что проявляется прежде всего в языковой (наивной) картине мира, под влиянием которой находятся все сферы языка и его единицы. Существенно также, что картина мира зависит не только от языкового «взгляда» на мир, когда «умо-зрительное», ненаблюдаемое, предстает в виде «очевидного», чувственно воспринимаемого, наглядного [6: 53], но и от акустического, слухового восприятия мира. В этом случае языковая картина мира определяется тем, как «слышимое» и «слушаемое» трансформируется в «услышанное», т.е. как и каким образом происходит социологизация звуковых образов языка, поскольку фонемное распознавание того или иного языка есть условие и результат смыслового распознавания.

Звуковые восприятия, участвующие в создании языковой картины

мира, занимают важное место в сознании носителей языка. Это связано с необходимостью или создать звуковой «образ» фрагментов действительности, или осмыслить (точнее – «осмыслить», наполнить содержанием) звуковой знак. Начиная со спора о «правильности имен» в античной философии и поиска так называемого «этимона», кончая современными концепциями звукоимеизма и звукообразности, эта проблема в той или иной степени всегда интересовала лингвистику, особенно при попытке выяснить, в какой степени звук (или звуки) способен вызывать смысловые ассоциации, как мир «природных» звуков представлен в том или ином языке. Естественно, первоначально было обращено внимание на самые явные проявления этих связей, к которым относятся прежде всего звукоподражательные слова (о проблемах фоносемантики, звукоимеизма и звукообразности, как известно, существует значительная литература, см., частности, работу [2]).

Природные звуки, в том числе и звуки, произносимые животными, не фонемы в лингвистическом смысле (при собственно семиотическом подходе они в системе своего «язы-

ка”, естественно, должны считаться знаками-сигналами, передающими определенную информацию), поэтому звукоподражательные слова - это лишь звуковой (фонемный) образ природного звука или процесса, сопровождающегося тем или иным звуком. Этот образ накладывает отпечаток на общую языковую картину мира и определяет ее идиознотические особенности, обусловленные фонемным членением неартикулированного звукового потока. “Это членение, - пишет Б.А. Серебrenников, - носит сугубо индивидуальный характер по принципу “что кому слышится и как представляется”. Возможно, что у разных индивидуумов и у носителей языка создаются какие-то целостные доминанты восприятия. Слушая свист, русский и татарин выделили какой-то звук, который можно передать фонемой /c/, ср., рус. *свист*, тат. *сызгыру*. У немца доминанта восприятия оказалась другой. Он подметил глухой шум, который можно передать фонемой /f/, ср. нем. *pfeifen*. Человек, говорящий на латинском языке, уловил обе эти характеристики сразу, что нашло отражение в глаголе *sibilare* ‘свистеть’, где /s/ и губное /b/ представлены одновременно. Вариации здесь могут быть самыми различными. Кроме того, и сам свист мог быть разного качества. Свист, производимый сильным ветром, свистком или губами человека, может вызвать далеко не одинаковое ощущение” [1988] см. также [2009] (Серебrenников, 1988, 94).

Более сложен звуковой образ, участвующий в создании языковой картины мира в случаях с так называемым звукоимогом, когда определенный звуковой комплекс в качестве доминанты используется для выражения определенных свойств, присущих предметам, явлениям, процессам, например: “чувашское *пелт* - подражание горению небольшого пламени, *тар-тар* - подражание дрожанию, бурятское *бур-бур гэхэ* ‘клубиться (о дыме)’, нанайское *булчи-булчи* ‘прижимать уши’, марийское *виж-вуж* ‘быстро’ и т.д. (примеры из работы [8: 94], см. также [7]).

Однако в явлении звукоимогом и звукоизобразительности многое до сих пор остается неясным и спор-

ным, поскольку некоторые наблюдения носят сомнительный характер и основаны на некорректных толкованиях в зависимости от субъективного восприятия исследователя. Тем не менее, несмотря на это, сама постановка проблемы звукоимогом и смежных с ним явлений стимулировала исследование роли человеческого фактора в языке, в частности, это привело к некоторому пересмотру основополагающего принципа произвольности языкового знака и возрождения учения о внутренней форме языка. Восходящее к Ч.С. Пирсу и Ф. де Соссюру положение об отсутствии прямой связи между означаемым и означаемым знаком (принцип произвольности знака) в сущности верно отражает семиотическую природу языка. “Однако, - как пишет М.М. Копыленко, - психологическая природа человека, осуществляющего номинацию, противоречит принципу произвольности. Человек склонен к мотивированию, т.е. к образованию знаков, устройство, структура которых ему понятны” [3: 9]. Ср. также: “Эта конвенция (между отправителем и получателем - В.Л.) связывает условной, в принципе произвольной связью означаемое (десигнатор) и означаемое (значение, десигнат) с тем, чтобы посредством означаемого отправитель знака мог по своей воле и желанию актуализировать значения в сознании получателя. Связь двух сторон знака произвольна в принципе, но ничего не мешает ей (там, где это возможно и желательным) быть так или иначе мотивированной (например, для удобства запоминания и понимания знака)” [5: 5].

Мотивировка помогает в итоге эксплицировать и объяснить языковую картину мира, установить ее отношения и связи с концептуальной картиной мира, которые основываются на импликационных, сравнительно-классификационных и семиотических отношениях. Без этой мотивировки, следовательно, невозможно выявление национальной картины мира. Однако трудно установить предел, или порог, до которого удается прийти при попытке найти истоки мотивировки, поскольку знаковая природа языка постоянно “сопротивляется” такому мотивированию, а сам языковой

знак, когда-то, возможно, имевший явный источник мотивации, стремится избавиться от него. Достаточно, чтобы убедиться в этом, обратиться к этимологическим истокам слов. Для иллюстрации приведем лишь одну выдержку из работы Б.А. Серебrenникова: “Слова *береза* и *лебедь* в русском языке связаны с наименованием белого цвета. Береза восходит к древнему *bherag* ‘светлый, белый’, а *лебедь* - к корню *albh* ‘белый’ (ср. лат. *albus* ‘белый’). Но таких прилагательных в русском языке давно нет. Слово *сын* из *sunos* никак не может быть ассоциировано с глагольной основой *su* ‘рождать’, поскольку эта основа в русском языке, даже в его предке - праславянском, давно утрачена.

Когда слово заимствуется одним языком из другого, оно также изолируется, поскольку его этимологические связи остаются в пределах другого языка. Существующее в русском языке слово *ковбой*, заимствованное из английского, не разлагается в сознании русского на составные части, поскольку этимологические связи остались в пределах английского языка» [8: 97]. Однако тенденция предать забвению внутреннюю форму слова, стремление языка придать слову функцию знака (означивание слова) вполне уживаются с желанием носителей языка найти мотивированное название чему-либо. Ср., например, употребляемое, наряду с заимствованным из французского *метрополитен*, в разговорном стиле слово *подземка* с четкой мотивировкой именованья (ср. нем. *Untergrundbahn*, англ. (амер.) *subway*). Часто это делается (как в данном случае) для передачи инонациональной и инокультурной реалии, но это еще раз подтверждает стремление человека мотивировать языковой знак.

Таким образом, следует признать, что в естественном языке постоянно происходит взаимодействие двух сил - тенденции знака быть произвольным и стремления человека мотивировать его.

Когда говорят о мотивированности языкового знака в современной лингвистике, то речь идет не столько об известных случаях как называемой народной этимологии и вторичной номинации, сколько о за-

висимости языкового знака от коммуникативной интенции говорящего и компетенции слушающего, что в итоге привело в рамках когнитивного подхода к языку к пересмотру соотношения между частями семиотики (семантикой, прагматикой, синтактикой): семантика рассматривается как область истинности высказываний и область представления знаний о мире (что связывает семантику с учением о языковой картине мира), прагматика - как "область мнений, оценок, презумпций и установок говорящих" [4: 441], синтактика - как область формального вывода. Современная лингвистика с ее антропоцентрическим подходом к языку демонстрирует огромные возможности в исследовании самобытности любого языка, любого языкового знака, прежде всего его семантики и прагматики. Эти аспекты языкового знака строго мотивированы особым видением мира, свойственным определенному этносу, его национальным духом, ибо «язык народа есть его дух».

References:

1. Blinova O.I. Motivologija i ee aspekty [Science of motives and its aspects] – Tomsk, Krasand 2010. – 301 p.
2. Voronin S.V. Osnovy fonosemantiki [Fundamentals of phonosemantics]. - Moskva., Lenand, 2006.-248 p.

3. Kopylenko M.M. Motivacija kak faktor razvitija jazyka., Aktual'nye problemy lingvistiki [Motivation as a factor in the development of language. Actual problems of linguistics]. – Almaty, KazGUMOiMJa, 1998, pp. 4-16.

4. Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar' [Linguistic Encyclopaedic Dictionary]. – Moskva., Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija [the Great Russian Encyclopaedia], 2002. – 687 p.

5. Nikitin M.V. Osnovy lingvisticheskoj teorii znachenija [Fundamentals of a linguistic theory of meaning]. – Moskva., Librokom, 2009. – 168 p.

6. Postovalova V.I. Kartina mira v zhiznedejatel'nosti cheloveka., Rol' chelovecheskogo faktora v jazyke: Jazyk i kartina mira [Picture of the world in human life. Role of a human factor in language: Language and the world view]. – Moskva., Nauka. 1988, pp. 47-78.

7. Rol' chelovecheskogo faktora v jazyke: Jazyk i myshlenie [The role of a human factor in language: Language and thinking]. – Moskva., Editorial URSS, 2010. – 248 p.

8. Serebrennikov B.A. Kak proishodit otrazhenie kartiny mira v jazyke. Rol' chelovecheskogo faktora v jazyke: Jazyk i kartina mira [How is the world view reflected in the language. Role of a human factor in language: Language and the world view]. – Moskva, Science, 1988, pp. 87-110.

Литература:

1. Блинова О.И. Мотивология и ее аспекты – Томск, Красанд 2010. – 301 с.

2. Воронин С.В. Основы фоносемантики. - Москва, Ленанд, 2006. – 248 с.

3. Копыленко М.М. Мотивация как фактор развития языка. Актуальные проблемы лингвистики. – Алматы, КазГУМОиМЯ, 1998, С. 4-16.

4. Лингвистический энциклопедический словарь. – Москва., Большая Российская энциклопедия, 2002. – 687 с.

5. Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения. - Москва, Librokom, 2009. – 168 с.

6. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – Москва, Наука. 1988,С. 47-78.

7. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. – Москва, Едиториал УРСС, 2010. – 248 с.

8.. Серебренников Б.А. Как происходит отражение картины мира в языке. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – Москва, Наука, 1988, С. 87-110.

Information about author:

1. Valentin Lee - Doctor of Philology, Full Professor, Al-Farabi Kazakh National University; address: Kazakhstan, Almaty city; e-mail: li-vs@mail.ru

